

Глава 7: Неприятности.

Совершенно не подозревая, что её судьба вот-вот перевернётся с ног на голову, Анджела не слишком долго наслаждалась своим маленьким коварным замыслом.

– Я правильно услышал, дорогая? Ты сказала, что Анджела опубликовала рассказ в Amazing Stories и была номинирована на премию «Небьюла» за лучший короткий рассказ? А ещё два её сценария собирается купить Disney?.. Но ведь первое апреля давно прошло? – Джаред удивлённо посмотрел на жену через обеденный стол.

– Я бы тоже хотела так думать, но, увы, первое апреля действительно давно позади, – пожала плечами Елена.

Джаред глубоко вдохнул, перевёл взгляд на маленькую девочку, которая сидела за столом с совершенно невозмутимым видом, аккуратно разрезая мясо на своей тарелке, затем посмотрел на Дженнифер, подающую суп. Дженнифер лишь улыбнулась и пожала плечами:

– Я ничего не знаю, сэр.

– Ну что ж, выходит, у нас в семье появился гений. Думаю, это стоит отметить, – отец развёл руками, а потом задумчиво добавил: – Теперь понятно, откуда в прошлом году у меня вдруг появилась та загадочная квитанция на обналичивание чека...

В этот момент маленькая проказница едва не поперхнулась глотком густого супа, поспешно наклонила голову, несколько раз провела ложкой по тарелке, вытерла уголки губ и пробормотала:

– Я наелась.

А затем, словно спасаясь бегством, кинулась прочь со стула и убежала наверх.

Элена даже не попыталась её остановить. Она лишь вздохнула и посмотрела на мужа:

– Наша дочь выросла.

– Выросла? Дорогая, ей всего одиннадцать, – Джаред пожал плечами.

– Джаред, ты прекрасно понимаешь, о чём я. Анджела взрослеет слишком быстро, и это не пойдёт ей на пользу, – Елена не сводила с него взгляда.

– Не переживай, ладно? Как бы там ни было, она остаётся нашей дочерью, – Джаред легко постучал вилкой по тарелке. – Да, она действительно взрослеет быстро, но я уверен, что она знает, что можно, а что нельзя. Ты тоже должна ей доверять.

– Ну, будем надеяться, что я просто накручиваю себя, – с лёгкой улыбкой вздохнула Елена, а затем, немного поколебавшись, лукаво взглянула на мужа и неуверенно произнесла:

– Дорогой... Может, нам стоит подумать о ещё одном ребёнке? О братике... или сестрёнке для Анджелы?

– Пфх-х! – Джаред чуть не выплюнул вино, которое только что пригубил, закашлялся, пытаясь прийти в себя, и вытаращил глаза:

– Елена ... мне показалось, или ты только что сказала...

– Нет, тебе не показалось, – спокойно ответила Елена, скрестив руки у груди. – Я действительно сказала, что хочу ещё одного ребёнка.

Она выдержала паузу, а затем, глядя мужу прямо в глаза, серьёзно добавила:

– Анджела слишком одинока. Как бы много у неё ни было друзей, она не может всё время находиться у кого-то в гостях. Ты помнишь семью Уотсонов, с которыми мы познакомились на прошлое Рождество? Тогда Анджела не отходила от их новорождённого малыша, играла с ним, возилась.... Ей нужен кто-то, с кем она могла бы разделить свой дом и семью. Если у нас будет ещё один ребёнок, дома станет куда веселее.

– Но... – Джаред нахмурился.

Он прекрасно знал, что младенцы — существа с особыми привилегиями. Они плачут, когда им хочется, делают что хотят и требуют к себе постоянного внимания. Даже с Дженнифер — их экономкой и няней в одном лице — появление Анджелы в своё время стало для него настоящим испытанием. Конечно, это не её вина. В тот момент её душа уже была взрослой, но вот тело — увы — жило по своим законам.

Он хотел было сказать что-то ещё, но вдруг осёкся, и посмотрел вниз - под обеденный стол - с полным ощущением, что желания его жены уже не изменить, а Елена добродушно смотрела на него, улыбаясь уголками рта, как будто она вообще ничего не делала.

– Ладно, возможно... нам действительно стоит кое-что предпринять, – с лёгким приподнятием бровей сказал Джаред.

Девочка, сбежавшая в свою комнату, в панике метнулась к кровати, нырнула под одеяло и закуталась в него с головой. Её большие глаза неотрывно смотрели на дверь. Стоило послышаться хотя бы малейшему звуку, она тут же рухнет обратно, симитировав обессиленное состояние, и тихонько застонет.

Этот трюк она использовала каждый раз, когда боялась, что её будут ругать. Мама, конечно, знала, что это уловка, но обычно всё равно смягчалась.

Однако...

Время медленно подползло к восьми часам вечера, а дверь так и не открылась.

Анджела одновременно испытала и облегчение, и недоумение.

Как так?

Мама так просто меня отпустила?

Она не могла этого понять. В конце концов, любопытство взяло верх. Девочка слезла с кровати и, затаив дыхание, прижалась ухом к двери.

Тишина.

– Терпеть не могу это ожидание перед казнью! – раздражённо пробормотала она.

Затем, подойдя к туалетному столику, нахмурилась, посмотрела на своё отражение в зеркале, затем закатила глаза и раздражённо фыркнула.

Наклонившись к зеркалу, она прошипела:

– Ну что, мисс Мейсон, вы хотите мне что-то сказать?!

Признаться, со стороны это выглядело глупо. Осознав это, Анджела несколько секунд сверлила себя взглядом, а потом с досадой отвернулась.

Бесцельно слоняясь по комнате, она чувствовала, как внутри всё больше нарастает беспокойство.

– Вот чёрт, – пробормотала она себе под нос.

В конце концов, вздохнув, она подошла к своему роялю, осторожно подняла крышку, сделала глубокий вдох, затем подняла руки...

И заиграла.

Звуки «Лунной сонаты» мягко струились из-под её пальцев, лёгкая, воздушная мелодия разливалась по комнате, создавая ощущение, будто она оказалась в тихом лесу, где можно неспешно прогуливаться под сиянием чистой луны. То нежная, то прозрачная, музыка напоминала ручей, омывающий сердце, смывая с него тревоги. Конечно, исполнение ещё далеко от мастерского, но в этом было что-то особенное, неповторимое.

Завершив пьесу, Анджела медленно выдохнула, ощущая, как беспокойство растворяется, уступая место умиротворению. Странное дело: когда-то она взялась за музыку вынужденно, без особого желания, но теперь она стала для неё способом обрести душевный баланс.

Смириться с самой идеей перерождения оказалось не так уж трудно, но вот принять тот факт, что теперь она — женщина, стало настоящим потрясением. Это же не какая-то фантазия из интернет-романов, где одним щелчком можно изменить мировоззрение и без труда свыкнуться с новым телом и судьбой. Первые два года её новой жизни прошли словно в тумане, она казалась окружающим заторможенной и безучастной, из-за чего родители сильно беспокоились. Они даже водили её к разным врачам, но никто так и не смог выявить причину. Только когда в ней проснулся прежний характер затворника-гика, она, наконец, обрела хоть какое-то подобие нормальности. И даже после этого её сознание оставалось рассеянным, а в делах не хватало сосредоточенности.

Она сама понимала, что так дальше нельзя. Поэтому в свой четвёртый день рождения потребовала, чтобы родители нашли ей учителя рисования. В прошлой жизни, будучи затворником, она зарабатывала на жизнь, создавая CG-иллюстрации, и обладала неплохими навыками. Нужно было лишь немного практики под руководством наставника, чтобы снова достичь достойного уровня. Она хорошо знала, что сосредоточенность можно развить через рисование — ведь раньше это ей уже помогало.

Но всё оказалось не так просто. Рисование было для неё слишком привычным, слишком знакомым. Учитель поражался её таланту, нахваливал её, называл гением, но сама она не чувствовала изменений: рассеянность не уходила. Тогда, решив пойти ва-банк, она, не стесняясь детских капризов, потребовала у отца найти ей преподавателя музыки. Это было её несбывшейся мечтой. В той жизни она любила музыку, мечтала научиться играть на каком-нибудь инструменте, но так и не взялась за дело. И вот теперь, раз уж у неё появился второй шанс, она не собиралась его упускать.

Этот опыт неожиданно открыл перед ней преимущества новой жизни. Помимо врождённого обаяния, она обладала невероятной способностью к обучению: любое знание давалось ей с лёгкостью, а прежний жизненный опыт помогал моментально схватывать суть. За несколько лет она освоила игру почти на всех инструментах — от западных до традиционных китайских. Однако больше всего её пленили три: изысканное звучание фортепиано, мелодичная скрипка и чистый, звонкий голос бамбуковой флейты. Музыка стала неотъемлемой частью её жизни,

помогая не только обрести гармонию с собой, но и справляться с эмоциями. Когда её одолевали тревоги, она исполняла «Лунную сонату», столкнувшись с трудным выбором — брала в руки скрипку, а в моменты печали уносила себя звуками флейты.

– Ладно.... Пойду, извинюсь перед папой и мамой. Пусть делают со мной что хотят... – Анджела опустила крышку пианино. Решение принято, но выражение на её лице было отнюдь не радостным.

В этот момент раздался стук в дверь. Маленькая хозяйка, только что собравшаяся с духом, вздрогнула от неожиданности.

– Малышка, ты там?

– Входите, тётушка Дженнифер, – облегчённо выдохнула Анжела. Хотя она уже смирилась с неизбежной расплатой от «матери-дьяволицы», психологически подготовиться к этому у неё не вышло.

На пороге появилась экономка, неся в руках поднос, на котором стояли несколько закусок и стакан сока.

– Ты ведь почти ничего не ела за ужином, наверняка проголодалась, – мягко сказала Дженнифер.

Как только Анджела услышала эти слова, она вдруг осознала, что в животе действительно урчит. Глаза её радостно вспыхнули, и, не теряя ни секунды, она подскочила к женщине, приняла поднос и, не раздумывая, впилась зубами в тонкий блинчик, откусив сразу половину. Дженнифер с улыбкой села рядом, наблюдая, как девочка с аппетитом сметает угощение.

– Хорошо, я знаю, о чём ты хочешь поговорить, – проговорила Анджела, облизав пальцы и с некоторым смущением посмотрев на экономку. – Я всё понимаю, Дженнифер. Скоро пойду и извинюсь перед мамой.

– Нет-нет, дорогая, – с улыбкой покачала головой Дженнифер. Она нежно погладила девочку по голове и добавила: — Анджела, я видела, как ты росла. В отличие от госпожи, я могу взглянуть на тебя под другим углом. Так скажи мне, чего ты боишься?

Анджела застыла в удивлении. В самом деле, если рассказать родителям обо всём честно, ничего страшного не случится. В конце концов, с тех пор как она начала учиться рисованию и музыке, её уже считали «вундеркиндом». Так зачем тогда эта скрытность? Почему она даже подделала подпись отца?

Она нахмурилась, рассеянно почесала голову. Ответ был где-то рядом, но озвучить его вслух... это было невозможно. В итоге девочка только тяжело вздохнула:

– Не знаю, Дженнифер. Может, мне просто не хватает уверенности в себе? Я и сама не понимаю, почему так поступила.

– Ну что ж, если так, тогда не стоит об этом больше думать. Просто пообещай, что не станешь так делать впредь, хорошо? Не заставляй нас волноваться, – серьёзно сказала экономка.

– Да, я поняла. Честное слово, больше никогда! – Анджела торжественно подняла руку, как будто давала клятву.

– Ну и прекрасно, – Дженнифер снова потрепала её по голове, но вдруг лукаво прищурилась:

– Но, Анджела, скажи-ка, ты действительно считаешь, что я — впечатлительная женщина, которая легко растрогается и часто плачет?

– А? – Анджела снова опешила, но тут же сообразила, о чём речь. В сценарии, который она написала, женский персонаж — экономка с отцовской стороны — действительно был именно такой. Днём она сама сказала Нэнси, что история основана на её собственной семье, так что...

– Ну... Знаете, тётушка Дженнифер... Искусство — это ведь... э-э... всегда немного приукрашенная реальность... или... – малышка запуталась в словах, не зная, как оправдаться.

Дженнифер уже улыбалась, вставая с места:

– Ладно, маленькая проказница, мне всё ясно. В конце концов, это ты написала, а значит, как скажешь, так и будет.

Анджела надулась. Ну и ну, это ведь можно считать издёвкой, да?

Экономка уже подошла к двери, но вдруг обернулась:

– Ах да, малышка, сегодня ночью не стоит беспокоить родителей.

– О? – Анджела вопросительно приподняла бровь. Неужели...

– Хм... Они будут очень заняты.

Ну конечно!

<http://bllate.org/book/16056/1434610>